

Лимонова Мария, 15 лет

По ту сторону

Пьеса в двух действиях с элементами мистики

Номинация – «Оригинальная пьеса»

Руководитель - Фурсова Ирина Юрьевна,

педагог дополнительного образования;

т. 8-913-946-37-73; эл. почта fursova72@yandex.ru;

Образовательная организация: муниципальное казенное
образовательное учреждение дополнительного образования
Ордынского района Новосибирской области «Дом детского творчества»
(МКОУ ДО «Дом детского творчества»)

НСО, р. п. Ордынское, 2019 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Балабов Константин Владиславович – студент филологического факультета

Геннадий Петрович Кальтенбруннер – призрак, бывший преподаватель философии, отец Ирины Кальтенбруннер

Ирина Геннадьевна Кальтенбруннер – студентка физического факультета, дочь Геннадия Кальтенбруннер

Петр Михайлович Долженко – нынешний преподаватель философии

Валентин Андреевич Щадов – ректор

Александр Вадимович Яшников – друг Балабова, студент физического факультета

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Студенческая аудитория

Явление I

Долженко, Балабов, Яшников, группа студентов философского факультета.

ДОЛЖЕНКО. Итак, молодежь, всем понятно задание? Через неделю вы должны предоставить реферат по теме «Философы 21 века, их взгляды на современный мир». Для некоторых из вас он может быть спасительным в этом семестре, так что уж постарайтесь и передайте задание тем, кто сегодня не посетил лекцию. Кстати о прогулявших. Уваров болеет, Калинина уехала с родителями в Таиланд, но где Балабов? Я, конечно, не удивлюсь, если он снова явится к концу лекции с очередной глупой и совершенно неправдоподобной причиной для опоздания, однако...

В аудиторию, смеясь, вваливаются Балабов и Яшников

БАЛАБОВ (*возбуждённо, не замечая присутствующих*). Нет, ну ты видел? Так рвануло, что аж уши заложило! Надо в следующий раз больше марганцовки засыпать, тогда еще и дымить будет.

ЯШНИКОВ (*с восхищением*). Ты прав. Вот, Костя, вот голова!

БАЛАБОВ. А то! Не зря в старшей школе химией увлекался... (*замечает Долженко, сконфуженно.*) Здравствуйте, Петр Михалыч.

ДОЛЖЕНКО. Вы посмотрите, кто пожаловал! Ну, здравствуй, Балабов, здравствуй. Позволь поинтересоваться, чем же на этот раз ты был так занят, что явился только сейчас? Переводил старушку через дорогу? Ах, нет, это ведь было на прошлой неделе. Тогда, может быть, доставал котенка с дерева? Нет, это было вчера. Что ж, тогда у меня не остается никаких вариантов, кроме одного. Вы с Яшниковым снова занимались хулиганством, хотя должны были учиться. Я не удивлюсь, если обнаружу на пожарной лестнице последствия очередного вашего «эксперимента».

БАЛАБОВ. Клянусь, Петр Михайлович, на этот раз мы не делали ничего дурного. Просто наш автобус немного задержался, вот и все. Разве в этом есть наша вина?

ДОЛЖЕНКО. А ну отставить пререкания! Автобус может опоздать на десять, пятнадцать минут, но никак не на полтора часа. Ох, узнает об этом ректор, и вам не поздоровится!

ЯШНИКОВ. А я-то тут причем? Я вообще с другого факультета, а первой пары у нас не было. Если не верите, можете спросить у Иры Калтинбрун...Катенбраннер. Тьфу, язык сломаешь, пока выговоришь ее фамилию.

ДОЛЖЕНКО. Кальтенбруннер. Ну как можно не запомнить фамилию однокурсницы? Это ведь просто. Каль-тен-брун-нер. И вам, молодые люди, стоило бы брать с нее пример. Прекрасная, умная девушка из культурной, очень образованной семьи. Я знал ее отца, и, поверьте, это был гениальный человек. Философ, лингвист, так еще и прекрасно разбирался в точных науках, особенно в физике. Я учился на первом курсе, когда мы познакомились, он как раз заканчивал университет.

БАЛАБОВ. Да-да, вы уже рассказывали о том, что были примерными студентами, когда учились в университете.

ДОЛЖЕНКО (*взволнованно*). Именно! И, обладая нужными знаниями в области химии и физики, мы никогда не использовали их во вред наставникам и учебному заведению! Наоборот, мы жаждали еще больше

познать мир, поэтому уважали профессоров и не пропускали их лекций! Можете присаживаться, Балабов. С вами мы продолжим разговор чуть позже. *(резко)* А вы, Яшников, вообще не должны находиться в этой аудитории. И мой вам совет, в свободное время лучше почитайте. Чем вам помогут в жизни взрывы да хулиганство? Ступайте.

Яшников уходит.

ДОЛЖЕНКО. Итак, на чем мы остановились? Ах, да, смысл бессмертия с точки зрения философии. Как я говорил, осознание единства жизни человека со всем живым на планете, возможными формами жизни во Вселенной имеет огромное мировоззренческое значение. Эта идея святости жизни, права на жизнь для любого живого существа принадлежит к числу вечных идеалов человечества. Правда, русские философы прошлого считали, что смерть человека - величайшая несправедливость, свидетельство несовершенства мира. Но сделает ли бессмертие человечество счастливей и лучше - вопрос. Однако позже все свелось к мнению, что прогресс обеспечивается только сменой поколений и смерти нельзя миновать никаким образом. Также все заповеди основаны на запрете причинить вред себе, другим людям, в конечном счете на страхе смерти. Если смерти не будет, человечество утратит «тормоза». Бессмертие ввергнет мир в пучину безнравственности *(смотрит на часы.)* Кажется, время лекции подошло к концу и нам нужно с вами расстаться. К сожалению, из-за всех этих разборок я так и не успел познакомить вас с трудами моего бывшего коллеги, Геннадия Петровича Кальтенбруннера. При жизни он как раз затрагивал вопрос о теории квантового бессмертия. Его записи, увы, не сохранились, но я неплохо помню ход его мыслей. Мы были достаточно близки, так что он поведал мне о некоторых своих суждениях. Что ж, все свободны. Все, кроме Балабова. Подойдите, Константин, нам есть о чем побеседовать.

Явление II

Долженко, Балабов.

ДОЛЖЕНКО. Ну и что же мне с тобой делать, Балабов? Тебя ведь уже предупреждали, что если продолжишь пропускать пары и лекции в том же духе, то отчисление неизбежно. А ведь ты парень-то неглупый. Совсем не глупый. Стыдно будет, если выгонят со второго курса. На тебя ведь были возложены такие надежды. Ну? Что молчишь, как воды в рот набрал? Сказал бы хоть что-нибудь в свое оправдание.

БАЛАБОВ. Ну а что я могу сказать, Петр Михайлович? Я ведь уже говорил, что не виноват. Это все неудачные стечения обстоятельств. Судьба.

ДОЛЖЕНКО. Какие мы слова оказывается знаем, (*иронично, передразнивая*) Судьба.

БАЛАБОВ (*решительно*). Да, судьба. И человек над ней не властен, вы сами говорили. Вот, значит, мне предначертано опаздывать на Ваши занятия. Кто знает, может быть, одно из моих опозданий сыграет великую роль в истории человечества?

ДОЛЖЕНКО. Спуститесь с небес на землю, Балабов. В своих бедствиях люди склонны винить судьбу, богов и все, что угодно, но только не самих себя. Так говорил Платон несколько тысяч лет назад и был прав.

БАЛАБОВ (*горячась*). А Вы откуда знаете, что он так говорил? Вас еще не существовало. И вообще, никого из ныне живущих тогда не было. Никто не может знать наверняка, что говорил Платон и был ли он на самом деле. Все преподаватели истории, философии и других, связанных со временем наук, так уверенно утверждают, что было и татаро-монгольское иго, и ледовое побоище, и древний Египет. Но ведь никто из них не может быть полностью в этом уверен.

ДОЛЖЕНКО (*раздражённо*). Константин, перестань нести околесицу. Все эти события были описаны в свитках, летописях, книгах.

БАЛАБОВ. Но ведь историю тоже писали люди! И не просто люди, а победители. А писали они ее так, как было выгодно власти того времени. Можем ли мы говорить, что сторонники самых странных исторических теории не правы, если сами точно утверждать не можем, происходило ли то или иное событие?

ДОЛЖЕНКО (*с усмешкой*). Вот ведь Фома неверующий! Признавайся, это друг твой, Яшников, тебя надоумил? Так и знал, что он тебе мозги пудрит. Ну ничего, ничего, вот посидишь ночь над нужными книжками и перестанешь ерундой заниматься. Если уж вы не хотите по-хорошему прекращать бедокурить, будем действовать иначе.

БАЛАБОВ. Как это, иначе?

ДОЛЖЕНКО. У нас уже два месяца архив старый перебрать надо, с двухтысячного года. Все ненужное - выбросить, нужное – перенести на электронные носители. Проще говоря, перепечатать в компьютер.

БАЛАБОВ. Вручную?

ДОЛЖЕНКО. Вручную.

БАЛАБОВ (*насмешливо*). Да кто на это согласиться? Там книг сотни, вы сами говорили. На это надо полжизни потратить, не меньше. Разве не легче просто откопировать и все?

ДОЛЖЕНКО. Может быть, и легче, но зачем? У нас ведь есть такие прекрасные, умные, а самое главное вечно свободные мальчики, как вы с Яшниковым. Если уж у вас есть время взрывать самодельные петарды на пожарной лестнице, то будет время и помочь нашему университету.

БАЛАБОВ (*умоляюще*). Сжальтесь, Петр Михайлович. Мы не успеем этого сделать, даже если будем ночевать в этом кабинете несколько лет подряд.

ДОЛЖЕНКО. Вот и отлично. Значит, у вас не будет времени на то, чтобы портить драгоценное казенное имущество. И знайте, к завтрашнему утру у вас должно быть готово как минимум по книге с одного человека.

БАЛАБОВ. А если мы не успеем?

ДОЛЖЕНКО. Тогда напомним, что ваше положение крайне плачевно. И, боюсь, Валентин Андреевич Щадов не будет рад, узнав об очередной вашей выходке.

БАЛАБОВ. Но...

ДОЛЖЕНКО (*решительно*). Никаких «но». Я все сказал, Балабов. Дальше решение только за тобой. Отчисление или исправительные работы. Так уж и быть, список литературы я тебе предоставлю, кабинет оставлю открытым. В семь часов бесценные тома будут ждать тебя на этом самом столе. Я понятно выразился?

БАЛАБОВ (*обречённо*). Понятно...

ДОЛЖЕНКО. В таком случае, свободен.

Балабов уходит.

ДОЛЖЕНКО. Вот ведь пошла молодежь. Ни о чем, кроме развлечений, уже и думать не может. Разве раньше так было? Неужели мы были такими напыщенными и дерзкими? Или я уже так очерствел, что не могу понять этих маленьких глупостей? Возможно, это маразм уже тихо подкрадывается к моему креслу. Стоит только обернуться, и я уже не вспомню даже собственного имени, что уж говорить о воспоминаниях молодости. Эх, как бы я хотел, чтобы Гена был прав. Мой старый друг... Он вечно нес свою чепуху о квантовом бессмертии, о множестве вселенных, о существовании

магии и еще десятке сказочных, абсолютно нереальных вещей. Вы только представьте, заслуженный профессор, далеко не глупый человек, разбирающийся в химии, физике и множестве других наук, вдруг абсолютно серьезно заверяет, что призраки существуют, поэтому разум человека бессмертен. Даже книгу написал свою, якобы с подтверждениями того, что многомировая теория квантового бессмертия верна. Конечно, его подняли на смех. Повезло, что не выгнали из университета. А потом, в один ужасный день я узнаю, что моего лучшего друга сбила машина. Все произошло случайно. Это был конец февраля, на дорогах после очередного заморозка образовался гололед. Гена никогда не мог заставить себя дойти до пешеходного перехода и как всегда начал переходить дорогу в неположенном месте, да еще и около поворота. Водитель просто не успел среагировать. Удар был не такой уж сильный, но и его хватило. А ведь все это просто неудачное стечение обстоятельств, *(вздыхая)*, Судьба.

Долженко уходит.

Явление III

Темная аудитория. На столе у компьютера лежит стопка книг.

Появляется Балабов с книгой в руках.

БАЛАБОВ. Это перепиши, это отредактируй, то отсортируй. Наказание, видите ли. А самое главное, за что? За тягу к знаниям! Подумаешь, проверили на практике закон Аррениуса. Но ведь все ради науки! Разве могут бесценные, многолетние труды учёных стоять какой-то там прожженной занавески или отвалившейся от стены штукатурки? И после всего этого мы удивляемся, почему же современное поколение не интересуется наукой. Как ею заинтересуешься, если состоит она из одних терминов, формул и теорем? Не говоря уже о том, что многие из них попросту невозможно применить на практике, в реальной жизни. В чем тогда их смысл? *(Всё еще держа в руках книгу, садится за стол.)* Они просто существуют и все. И теперь такие, как я, должны страдать от осознания того, что с их помощью можно творить фантастические, просто волшебные вещи. Но если вы их сделаете, то вас накажут. Прямо как меня. Теперь за ночь я должен полностью перепечатать эту книгу в компьютер. Вручную. Вот Сашка, прохвост, улизнул. У него, видите ли температура. Наверняка, опять графита наелся и сделал жалобное личико. Теперь только мне отдуваться. Ну ничего, ему завтра достанется. А я пока начну... да хотя бы с этой книги. Она здесь самая тонкая. Всего около двухсот страниц. Итак, посмотрим. *(Читает.)* «Многомировая теория квантового бессмертия. Правда или вымысел?». Автор: Геннадий Петрович Каль-тен-брун-нер. Ох, какая же сложная фамилия. Почему же она кажется мне такой знакомой? Буквально на

днях ведь ее слышал. Ладно, в любом случае, это не так важно. Итак, первая страница. *(Начинает печатать, бубня себе под нос.)* Чтобы понять, что такое квантовое бессмертие, сначала необходимо разобраться в эксперименте под названием «Кот Шредингера». Кошка заперта в ящике, в котором помимо нее находится маленькое количество радиоактивного вещества, также есть счетчик Гейгера, который фиксирует уровень радиации. К этому счетчику привязан молоток. Под молотком находится колба с опасным химическим веществом. Суть в том, что радиоактивный распад является случайным процессом. Его не предсказывают, следовательно, он случится с вероятностью пятьдесят на пятьдесят. Если распад все-таки случится, то это зафиксирует счетчик Гейгера, и он отпустит молоток, а тот, в свою очередь, разобьет колбу, и кошки не станет. Если же распад не случится – кошка выживет. Так как мы не уверены, сработал счетчик Гейгера или нет, нам точно неизвестно, умерла ли кошка, пока мы не откроем коробку и не посмотрим туда. Получается, для нас кошка одновременно жива и мертва...

На сцене появляется призрак Кальтенбруннера

БАЛАБОВ. Что за бред? Неужели никому не жалко эту несчастную кошку? И зачем кому-то вообще потребовалось проводить такой эксперимент? А самое главное, ради чего?

ПРИЗРАК. Кхем-кхем. Прошу заметить, что Вы не дочитали даже первую главу. Далее я очень подробно расписываю этот эксперимент и его роль в теории квантового бессмертия.

БАЛАБОВ. Спасибо, это я понял, но... *(в ужасе)* А-а-а!

ПРИЗРАК. Ну зачем же так кричать, молодой человек?

БАЛАБОВ. А ты еще кто!? И как ты попал в кабинет!? Я ведь его н-н-на ключ закрывал!

ПРИЗРАК. Боюсь, призракам неважно, закрыта дверь или нет, когда ее можно просто пройти насквозь.

БАЛАБОВ. Призракам? Бросьте, Вы шутите. Их ведь не существует. Точно так же как разных ведьм, леших, русалок и так далее.

ПРИЗРАК. На их счет я тоже не могу ничего утверждать. К сожалению, обитая в книге уже пятнадцать лет, я не выходил на поверхность и не встречался ни с одним существом из перечисленного Вами списка. Зато я со стопроцентной вероятностью могу утверждать, что призраки все же существуют, так как я сам им являюсь.

БАЛАБОВ. Почему я должен поверить, что Вы и вправду призрак?

ПРИЗРАК. Проверить это легко, но только если вы не испугаетесь.

БАЛАБОВ (*решительно*). Я? Испугаюсь?

ПРИЗРАК. Вы, наверняка, слышали о том, что тела призраков представляют собой лишь образы, состоящие из газа. Значит, Вы легко сможете пройти сквозь меня.

БАЛАБОВ. Я не подойду к Вам. Кто знает, с какими Вы появились намерениями?

ПРИЗРАК. Поверьте, у меня нет задачи навредить Вам. К тому же, я не смог бы этого сделать, даже если б захотел. Я просто не могу держать предметы в руках. Все они в итоге оказываются на полу.

БАЛАБОВ. Значит, если я брошу в Вас книгу, то она пролетит сквозь Ваше тело?

ПРИЗРАК. Именно.

Балабов кидает книгу в призрака. Та падает на пол.

БАЛАБОВ. Удивительно!

ПРИЗРАК. Это было очень грубо с Вашей стороны.

БАЛАБОВ. Но я ведь предупредил, что брошу книгу.

ПРИЗРАК. Вы предположили, что могли бы бросить ее в меня, и она бы все равно упала на пол. Но вы не говорили, что в самом деле собираетесь сделать это.

БАЛАБОВ. Мне нужно было узнать, что Вы говорите правду.

ПРИЗРАК. Но можно было и предупредить. К Вашему сведению, это не очень приятно. Хотя я и призрак, но способный чувствовать. А еще Вы бросили в меня мою же книгу. А это, между прочим, единственный экземпляр.

Балабов поднимает книгу.

БАЛАБОВ. Вашу книгу?

ПРИЗРАК. Да, мою. Простите, должно быть, я забыл представиться. Мое имя Геннадий Петрович Кальтенбруннер. Я автор той книги, что вы держите сейчас в руках.

БАЛАБОВ. Кальте...Кальтен...

ПРИЗРАК. Кальтенбруннер. Не волнуйтесь, мою фамилию еще никто не мог выговорить с первого раза. Моему лучшему другу на это потребовалось около года.

БАЛАБОВ. Подождите, а Вашего друга случайно зовут не Петр Михайлович Долженко?

ПРИЗРАК. Да. Но откуда Вы знаете его?

БАЛАБОВ. Так это ведь мой профессор философии! Он постоянно рассказывает нам о Вас, приводит в пример.

ПРИЗРАК. Неужели? И о книге моей рассказывал?

БАЛАБОВ. Нет, о книге не рассказывал.

ПРИЗРАК. Оно и понятно. Это он виноват в моей смерти.

БАЛАБОВ. Кто? Петр Михайлович? Долженко? Быть такого не может. Зачем ему было Вас убивать? Вы разве не были лучшими друзьями?

ПРИЗРАК. Были когда-то. Когда он только поступил, я был уже на четвертом курсе. Мы постоянно мастерили разные аппараты, хотя порой это заканчивалось небольшими взрывами прямо в кабинетах университета.

БАЛАБОВ. Правда? А нам он всегда говорит, что был примерным студентом и никогда подобного не делал.

ПРИЗРАК *(с усмешкой)*. Вот ведь обманщик! Да мы и не такое творили. Однажды мы начали сушить нитрит азота прямо на полу, около батареи, в кабинете химии. Мы знали, что при малейшем воздействии на него, он начинает искрить. Поэтому, когда наша учительница вошла в кабинет, как всегда стуча высокими каблуками, она прошла прямо по тому месту, где мы его сушили. Нитрит азота начал искрить и взрываться. Сколько же было крику. Ужас! К счастью, наша преподавательница была не обидчивая и простила нас, не стала жаловаться ректору.

БАЛАБОВ. Вижу, вам было действительно весело. Что же произошло?

ПРИЗРАК. Позже, когда я написал книгу, и меня подняли на смех, Петр отвернулся. Он считал, что из моей затеи ничего дельного не выйдет, пробовал отговаривать, просил не печатать книгу. Я, конечно же, стоял на своём, ведь был прав. Но Долженко - очень консервативный человек, и любое мнение, кроме своего, считал глупостью. Он продолжал настаивать, говорил, что такими темпами меня выгонят из университета. Кажется, даже расстроился, когда этого не произошло.

БАЛАБОВ. Я, конечно, знаю, что у Петра Михайловича довольно скверный характер, но не настолько. Не думаю, что он способен на убийство.

ПРИЗРАК. Я тоже так считал и все еще не могу поверить.

БАЛАБОВ. С чего Вы вообще взяли, что это он?

ПРИЗРАК. В конце февраля меня сбила машина. Я очень хорошо помню этот момент и так же помню, что это была его машина. Не раз, приходя к нему в гости, я видел этот старенький жигуленок.

БАЛАБОВ. Но почему вы так уверены, что это именно та машина? Жигулей на русских дорогах хоть отбавляй. Неужели Вы успели разглядеть номер?

ПРИЗРАК. Нет, номер я, к сожалению, не рассмотрел, но правая фара у него была разбита. Мы сами разбили ее в одну из поездок за грибами, а денег на то, чтобы заменить сломанную деталь у Петра не было. Так и проездил он почти полгода на побитой машине. Удивительно, как его не оштрафовали.

БАЛАБОВ (*недоуменно*). Вот дела. Не может быть. Мой преподаватель – убийца? Хотя по нему так и было видно, что он что-то скрывает. Но я все еще не понимаю, зачем ему понадобилось вас убивать?

ПРИЗРАК. Все просто. Расходились во мнениях.

БАЛАБОВ. Но не может ведь человек убить своего друга лишь из-за каких-то маленьких разногласий.

ПРИЗРАК. Ох, ты очень не прав. Мы сильно повздорили за неделю до того рокового дня. Я как раз собирался в очередной раз презентовать свою книгу.

БАЛАБОВ. «Многомировая теория квантового бессмертия. Правда или вымысел?». Эту книгу?

ПРИЗРАК. Верно.

БАЛАБОВ. Может быть, Вы тогда объясните, что такого важного в этой книге, если из-за нее возникает столько проблем?

ПРИЗРАК. Я уже думал, ты не спросишь. Тебе лучше присесть. Это будет долгий разговор. Ты что-нибудь слышал об эксперименте под названием «Кот Шредингера»?

БАЛАБОВ. Это тот эксперимент, описанный в Вашей книге? Где кто-то бесчеловечно мучает бедную кошку?

ПРИЗРАК. Нет-нет, не переживай. Ни одна кошка вследствие этого опыта не пострадала. Эксперимент мысленный. Его придумал физик Эрвин Шредингер в 1935 году, но важно не это.

БАЛАБОВ. А что же?

ПРИЗРАК. Важно то, что кошка в этом эксперименте находится в двух состояниях сразу. То есть для нас она одновременно жива и мертва. Это и есть основа микромира. В нем все предметы находятся не в одном состоянии. Такое состояние еще называют «суперпозицией». Когда человек пытается понять, в каком состоянии находится предмет, то видит только одну его позицию, а остальные нет. К сожалению, рассказать все подробнее я не смогу. Это слишком сложно для тебя, и большую часть ты не поймешь. Однако, представь, что есть похожий эксперимент, только с человеком.

БАЛАБОВ. Надеюсь, тоже мысленный?

ПРИЗРАК. Конечно. В 1957 г. многомировую теорию квантового бессмертия озвучил американский физик Хилл Эверетт. Ее суть состоит в том, что когда мы измеряем что-либо в микромире, вселенная разделяется на две или более, и мы находимся в той, которая случайно попалась.

БАЛАБОВ (*недоумённо*). Вселенная разделяется на две и более? Простите, но верится мне в это с трудом. И как это вообще помогает нам понять, что такое квантовое бессмертие?

ПРИЗРАК. Слушай дальше. Именно многомировая интерпретация поможет нам понять квантовое бессмертие. Для этого вспомним эксперимент с кошкой Шредингера. Мы не знаем, что с ней, пока не откроем коробку. Теперь же возьмем человека и посадим его в комнату, закроем дверь. На этого человека направлен пистолет, который либо выстрелит, либо нет.

БАЛАБОВ. Но ведь рано или поздно он все равно выстрелит, верно? Тогда человек просто умрет.

ПРИЗРАК. Однако если правдива многомировая интерпретация, то с каждым нажатием на курок вселенная разделяется на две: в одной человек умирает, а в другой – выживает.

БАЛАБОВ. Но как мы узнаем, выживет человек или нет?

ПРИЗРАК. В том и заключается парадокс: представим, что сколько бы пистолет ни выстреливал – человек выживает. Все дело в том, что эксперимент можно наблюдать лишь в том мире, где человек выжил, и, значит, он бессмертен. Он никогда не умрет, погибнет другой такой же человек, только испытуемого это никак не коснется.

БАЛАБОВ. Как же это сложно...

ПРИЗРАК. Эксперимент может считать удачным только испытуемый в комнате, ведь он постоянно выживает, но это происходит только в его вселенной. В других же, когда ученые откроют дверь - они увидят мертвого человека.

БАЛАБОВ. То есть, Вы хотите сказать, что человек выживает всякий раз, когда ему грозит опасность, так как Вселенная делится на две разных: в одной человек жив, в другой - мертв. В этом и состоит суть квантового бессмертия?

ПРИЗРАК. Знаешь, я не ожидал, что ты поймешь все с первого раза. Ты смог меня удивить. Но есть еще одна интересная деталь.

БАЛАБОВ. Какая?

ПРИЗРАК. Некоторые считают, что доказательством правдивости квантового бессмертия служит магия. Вот я кто?

БАЛАБОВ. Призрак!

ПРИЗРАК. Ха-ха! Точно!

БАЛАБОВ. Значит, Вы все же были правы! Но как Вы смогли все это повернуть?

ПРИЗРАК. Еще при жизни я изучал разнообразные книги про магию и колдовство. Все считали их лишь способом наживы для шарлатанов, но, как оказалось, и в них есть что-то полезное. Когда ты взял в руки мою книгу и начал читать, то я каким-то образом оказался на свободе. Целых пятнадцать лет жил я в книге, пока кто-то не решил ее прочитать.

БАЛАБОВ. Нужно немедленно кому-то об этом рассказать! И про Вашу теорию, и про магию, и про Петра Михайловича.

ПРИЗРАК. Не так быстро. Кому ты собираешься об этом рассказывать?

БАЛАБОВ. Да кому угодно. Ученым, например.

ПРИЗРАК. То есть меня, заслуженного профессора, они не послушали, а тебя – юного паренька, кричащего о существовании призраков, они слушают.

БАЛАБОВ. Ну, не знаю...

ПРИЗРАК. А я знаю. Хорошо, если не отчислят или лечиться не заставят. К тому же, эксперимент все равно еще нельзя считать законченным.

БАЛАБОВ. Это почему?

ПРИЗРАК. По задумке я хотел, чтобы мой разум оказался в той вселенной, где я жив. Чтобы подтвердить свою теорию, я должен увидеть все своими глазами. А значит, мне снова нужно вернуться в книгу или, что еще лучше, сразу в нужную вселенную. Так что, мне было приятно поговорить с тобой, но теперь, будь добр, верни меня обратно.

БАЛАБОВ. Секундочку. Я не знаю, как вернуть Вас обратно. Я только несколько минут назад узнал о том, что существуют призраки, бессмертие и прочие мистические...штуки.

ПРИЗРАК. Подожди. Тогда зачем же ты вообще брал в руки эту книгу? Насколько я помню, такие вещи хранятся в архиве, куда никогда не попадают безалаберные студенты.

БАЛАБОВ. Петр Михайлович попросил меня перепечатать архив в компьютер. Очень важное задание, знаете ли.

ПРИЗРАК. Весь архив? Это ведь невозможно. Даже если бы ты был бессмертным, то не смог бы справиться с этим. Признавайся, в чем провинился?

БАЛАБОВ. Я не виноват! Это все Сашка со своими опытами. Физик он будущий, видите ли. Как на пожарной лестнице самодельные петарды взрывать, так он первый. А как ночью работу делать, так у него температура.

ПРИЗРАК. Это вполне в духе Долженко. А Сашка твой, поди, графита наелся?

БАЛАБОВ. Ага.

ПРИЗРАК. Вот прохвосты. (*расстроено*). И что же теперь делать? Как мне вернуться обратно? Призрака на тот свет может отправить либо тот, кто его пробудил, либо родственник. Тебе ведь тонны книг придется прочитать, чтобы понять, как меня вернуть.

БАЛАБОВ. Вы говорите, что вам может помочь родственник. Разве не ваша дочь учится на физическом факультете?

ПРИЗРАК. Дочь? Подожди, а как ее имя?

БАЛАБОВ. Если мне не изменяет память, Ирина.

ПРИЗРАК. Ирина Геннадьевна Кальтенбруннер?

БАЛАБОВ. Кажется.

ПРИЗРАК. Так что ж ты раньше молчал? (*Радостно*). Это ведь существенно меняет дело!

БАЛАБОВ. Правда?

ПРИЗРАК. Конечно, правда! Только мне все равно потребуется твоя помощь, раз уж видеть меня можешь только ты.

БАЛАБОВ. Я готов. Вы только скажите, что сделать надо.

ПРИЗРАК. Идем за мной. Сейчас я тебе все объясню.

БАЛАБОВ. Но...у меня ведь работа.

ПРИЗРАК. Подождет твоя работа, никуда не денется. А призраки через двадцать четыре часа уже не могут вернуться в свое обиталище.

БАЛАБОВ. Почему только двадцать четыре часа?

ПРИЗРАК. Люди ведь призывают духов лишь для каких-то небольших поручений. Ради собственной выгоды. Чтобы сделать кому-то гадость или напугать неприятеля. Поэтому нам нужно торопиться.

Кальтенбруннер и Балабов уходят.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Университетский коридор

Явление I

Яшников, Балабов, Щадов

ЯШНИКОВ (*нетерпеливо поглядывая на часы*). Ну где же он?

На сцене появляется Балабов, бурча себе под нос.

БАЛАБОВ. Конйуро эт конфирмо супэр вос...

ЯШНИКОВ. А вот и он! Костя! Ты где все утро был? И что под нос себе бормочешь? Проклинаешь меня, поди, за то, что улизнул вчера?

БАЛАБОВ. А? Что? А, Сашка... Да нет, не проклинаю, хотя и стоило бы. Бросил меня на произвол судьбы! Михалыч сегодня будет рвать и метать. Мало того, что ты улизнул, так еще и я ничего сделать не успел.

ЯШНИКОВ. Прости, но у меня были дела поважнее, чем времяпрепровождение в обнимку с книжками.

БАЛАБОВ. Ты так говоришь, будто я только и делаю, что днем и ночью об этом мечтаю.

ЯШНИКОВ. Ну ладно, ладно. Был не прав. Простишь?

БАЛАБОВ. А куда я денусь?

ЯШНИКОВ. Действительно. А ты чего помятый такой? Будто и не спал всю ночь. Неужели так и уснул за работой, которую тебе наш философ дал?

БАЛАБОВ. Будто? Да так оно и было. Только не за его работой, но все равно в библиотеке.

ЯШНИКОВ. Ого. С чего ж вдруг? Решил на ночь глядя почитать? Подался в книжные черви?

БАЛАБОВ. Иди ты. Все равно расскажу – не поверишь.

ЯШНИКОВ. Не хочешь – не рассказывай, больно надо. Я к тебе вот по какому вопросу. Ты помнишь о нашем уговоре?

БАЛАБОВ. Каком еще уговоре?

ЯШНИКОВ. Ну, сегодня, вечером...

БАЛАБОВ. Ах, ты об этом? Боюсь, у меня не получится.

ЯШНИКОВ. Как это не получится? Ты ведь вчера пообещал, что принесешь все необходимое. Я уже и ключи от кабинета химии стащил. Все готово. Осталось только проверить установку. Представляешь, какое будет зрелище?

БАЛАБОВ. Представляю. Вот только не могу я сегодня и все.

ЯШНИКОВ. Так объясни хоть, почему?

Балабов молчит.

ЯШНИКОВ. Понятно. Струсил.

БАЛАБОВ. С чего ты это взял?

ЯШНИКОВ. А из-за чего еще ты так легко отказался? Испугался Долженко и отчисления, вот и дал задний ход. Эх, а я-то думал...

БАЛАБОВ. Да не струсил я!

ЯШНИКОВ. А почему тогда молчишь? Разве у друзей должны быть тайны друг от друга?

БАЛАБОВ. Но ведь ты все равно не поверишь мне, если я расскажу!

ЯШНИКОВ. А ты сначала расскажи, а потом уже делай выводы.

БАЛАБОВ. Хорошо, уговорил. Только обещай, что никому не расскажешь и смеяться не будешь.

ЯШНИКОВ. Зуб даю. Кались.

БАЛАБОВ (*шепотом*). Сегодня ночью я видел призрака Геннадия Петровича Кальтенбруннера, который рассказал, что бессмертие существует, и теперь я должен помочь ему вернуться в книгу, из которой я его высвободил.

ЯШНИКОВ. Ха-ха-ха! Хорошая шутка, Костя. А теперь скажи правду.

БАЛАБОВ. Да это и есть правда!

ЯШНИКОВ. Ну, все-все. Посмеялись и хватит.

БАЛАБОВ. Саша...

ЯШНИКОВ. Так ты что? Не смеешься вовсе?

БАЛАБОВ. Я об этом тебе и говорю.

ЯШНИКОВ. Во дела... Совсем с ума сошел. Ты давно спал?

БАЛАБОВ. Ну, Саша! Перестань!

ЯШНИКОВ. Может, тебе приснилось это? Начитался книжек, которые тебе Долженко выдал, и уснул. А теперь бредишь.

БАЛАБОВ. Я ведь говорил, что ты не поверишь.

ЯШНИКОВ. Конечно, не поверю. Да уж, Костя, не ожидал от тебя. Ну ничего, какой только мы бред порой не несем спросонок, верно?

БАЛАБОВ *(с досадой)*. Эх...

ЯШНИКОВ. Иди проспись, фантазер. И не опоздай. В семь, у кабинета химии.

*Яшников уходит.
Появляется Щадов.*

ЩАДОВ. Опять вы с Яшниковым что-то затеваете? Нехорошо, ребята, плохо.

БАЛАБОВ. Ой! Здравсьте, Валентин Андреевич. Простите, не заметил, виноват.

ЩАДОВ. Здравствуй, здравствуй, Костя. Так что? Мы с Петром Михайловичем пытаемся поставить вас на путь исправления, а вы снова пакостить собрались?

БАЛАБОВ. Честное слово, Валентин Андреевич, и в мыслях не было.

ЩАДОВ. Если вы считаете, что мы с Петром Михайловичем слепые, то вы глубоко заблуждаетесь. Да у вас ведь на лбах написано, что вы опять что-то удумали. Не прошло и двух дней с момента вашей последней выходки, как вы снова за старое. Ничему вас жизнь не учит.

БАЛАБОВ. Но мы ведь все делаем из чистого любопытства. Разве есть что-то плохое в том, что мы стремимся к знаниям?

ЩАДОВ. В тяге к знаниям ничего дурного нет, но, проводя все свои опыты в местах, для этого не предназначенных, вы наносите ущерб учебному заведению.

БАЛАБОВ. Но ведь у нас и нет предназначенных для этого мест.

ЩАДОВ. А как же лаборатория?

БАЛАБОВ. Да кто же нас туда пустит?

ЩАДОВ. Попросите химика, Льва Леонтьевича.

БАЛАБОВ. Как же, его попросишь. Пробовали. Прогнал взашей. Мол, оборудование испортим, а если еще и случится что-то, то ему попадет. Как будто мы маленькие дети и сами не понимаем, что опасно, а что нет.

ЩАДОВ. Если он не пускает вас в лабораторию, значит, у него есть причины. К тому же в чем-то Лев Леонтьевич прав. Ведете вы себя точно как дети. Поэтому, я не собираюсь отговаривать вас от очередной авантюры или читать нотации. Я скажу все ясно и четко. Если сегодняшним вечером что-то случится, то это будет ваш последний вечер в университете. Отчисление – это не просто страшные сказки для студентов. Надеюсь, я ясно выразился?

БАЛАБОВ. Ясно, Валентин Андреевич.

ЩАДОВ. Ну что ж, был рад пообщаться. А теперь мне пора идти. До скорой встречи, Константин.

БАЛАБОВ. До свидания.

*Щадов уходит.
Появляется Кальтенбруннер.*

БАЛАБОВ. Во что я только ввязался?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. В большие проблемы, молодой человек.

БАЛАБОВ. Что? Ах, это Вы.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Хотел бы сказать доброе утро, но, видимо, я очень ошибусь, если скажу, что оно таковым является.

БАЛАБОВ. Не волнуйтесь, все в порядке.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я бы так не сказал. Призраки могут знать намного больше, чем ты думаешь. Мы почти читаем мысли.

БАЛАБОВ. Признайтесь, Вы просто были в стене.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Возможно. И все же, что ты собираешься делать? Пойдешь в семь часов со своим другом к кабинету химии?

БАЛАБОВ. А у меня есть выбор? Мы ведь друзья. Каким я буду другом, если брошу общее дело?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. А стоит ли это дело отчисления?

БАЛАБОВ. Нет.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Ну вот. Значит, ты не идешь?

БАЛАБОВ. Иду.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Послушай, я понимаю, ты не хочешь чувствовать себя предателем. Но поверь, оно того не стоит. Ты слышал ректора, тебя отчислят. Все труды будут напрасны.

БАЛАБОВ. Но ведь вы сами в нашем возрасте рисковали, совершали глупости.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Мы делали это, но всегда знали, когда остановиться. Стали бы мы сушить нитрит азота на полу кабинета у батареи, если бы не знали, что наша учительница - добрейшей души человек? Если бы она была вспыльчивой и имела право выгнать нас из университета, мы с Петром подумали бы сто раз перед тем, как вытворять нечто подобное.

БАЛАБОВ. Возможно, Вы правы в чем-то...

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Подумай хорошо над моими словами. А теперь вернемся к делу. Ты взял с собой ту книгу, о которой я тебя просил?

Балабов достает из рюкзака книгу.

БАЛАБОВ. Эту?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, именно. Тебе нужно отдать ее Ирине и попросить прочитать то заклинание, о котором я тебе говорил.

БАЛАБОВ. И это поможет?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Если верить книге, да.

БАЛАБОВ. Никогда бы не подумал, что буду верить книге заклинаний. Значит, осталось только найти Вашу дочь и сделать так, чтобы она прочитала вслух написанное, верно?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Абсолютно. Не будем тянуть кота за хвост.

БАЛАБОВ. Хорошо, идем.

ИРИНА. Балабов!

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Похоже, сама судьба помогает нам.

На сцене появляется Ирина.

ИРИНА. Константин Балабов, верно?

БАЛАБОВ. Да, это я. А ты, кажется, Ирина Кальтен... Кат...

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Кальтенбруннер.

БАЛАБОВ. Как?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Каль-тен-брун-нер.

БАЛАБОВ. Каль-тен-брун-нер. О! Верно?

ИРИНА. Верно. Не буду спрашивать, каким чудом ты выговорил мою фамилию. Я пришла не за этим. Тебя искал Долженко, и, поверь, он был не в лучшем расположении духа. Вы с Яшниковым опять что-то натворили?

БАЛАБОВ. Можно и так сказать.

ИРИНА. Зря вы его злите. Ох, зря. Но в любом случае моя миссия выполнена и я могу идти. Было приятно познакомиться.

КАЛЬТЕНБРУННЕР *(Балабову)*. Не дай ей уйти.

БАЛАБОВ. Но что я ей скажу? Ладно, на ходу придумаем. *(Громко Ирине)* Стой, Ира! Подожди секундочку!

ИРИНА. Что?

БАЛАБОВ. Эм...Я...Как бы сказать...

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Так. Слушай меня и повторяй за мной.

БАЛАБОВ. Но...

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Тихо.

ИРИНА. Ну? Ты хотел сказать что-то?

БАЛАБОВ. Кхм...Хорошо. Да, хотел.

КАЛЬТЕНБРУННЕР (*Балабову*). К моему прискорбному сожалению, сегодняшней ночью произошел конфуз, который заставил меня просить помощи у такого умного человека, как ты.

БАЛАБОВ. К моему прискорбному сожалению, сегодняшней ночью произошел конфуз, который заставил меня просить помощи у такого умного человека, как ты.

ИРИНА. Вот как? И что же это был за конфуз?

КАЛЬТЕНБРУННЕР (*Балабову*). Знаю, возможно, это прозвучит несколько фантастично и нереалистично, но...

БАЛАБОВ. Знаю, возможно, это прозвучит несколько фантастично и нереалистично, но...

ИРИНА. Но?

КАЛЬТЕНБРУННЕР (*Балабову*). Но прошедшим вечером я наткнулся на интересную книгу, написанную твоим многоуважаемым отцом.

БАЛАБОВ. Но прошедшим вечером я наткнулся на интересную книгу, написанную твоим... отцом.

ИРИНА. Ах, да. Что-то о теории квантового бессмертия, я помню.

БАЛАБОВ. Именно.

КАЛЬТЕНБРУННЕР (*Балабову*). Дело в том, что согласно теории Геннадия Петровича Кальтенбруннера, человек бессмертен.

БАЛАБОВ. Согласно теории Геннадия Петровича Каль...Катен... В общем, согласно его теории, человек бессмертен.

ИРИНА. Я знаю о его теории. Слишком долго нашей семье досаждали напоминаниями о провале моего отца. Лучше бы он и не писал эту книгу.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да что же ты такое говоришь?

БАЛАБОВ. Что?

ИРИНА. Я, конечно, понимаю, что прогресс важен и, возможно, он был даже прав, но ты не представляешь, как тяжело пришлось нам после его смерти. Все эти сплетни, скандалы и куча журналистов.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Я и не думал...

БАЛАБОВ. Но ведь твой отец пожертвовал собой ради науки. Разве это ничего не значит?

ИРИНА. Конечно, значит. Но он ведь должен был подумать о семье. О том, как будет нам сложно стереть этот позор с нашей фамилии. О том, что меня, возможно, потом даже не захотят принимать в университет.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. О боже...

ИРИНА. Только благодаря Петру Михайловичу меня приняли.

БАЛАБОВ. Благодаря Долженко?

ИРИНА. Да. Он вступился за меня, и Щадов сжалился. Только вот путь в науку мне все равно закрыт. Все папины знакомые еще долго будут помнить его позор. Кто теперь воспримет меня всерьез?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Прости меня.

БАЛАБОВ. Послушай. Наверное, это будет звучать безумно, но твой отец не ошибся.

ИРИНА. О чем ты?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Костя, не надо.

БАЛАБОВ. Я о его теории. Квантовое бессмертие существует.

ИРИНА. Это невозможно. Если бы оно существовало, то в нашем мире магия не была бы мифом.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Не надо ее вмешивать теперь. Мы придумаем что-нибудь без ее помощи.

БАЛАБОВ. Да подождите вы. А кто доказал, что магия - миф?

ИРИНА. Ну как же? Сколько было разоблачений фокусников, экстрасенсов и разных шарлатанов. Никто так и не смог доказать существование магии.

БАЛАБОВ. А что, если я скажу, что магия существует?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Это провал...

ИРИНА. Магия? Существует?

БАЛАБОВ. Да. И твой отец знал об этом. Мало того, он смог вовремя ее использовать, и после смерти его разум стал жить в виде призрака. А вчера я случайно наткнулся на его книгу и пробудил его. Даже сейчас он здесь. Вот же стоит рядом со мной. Только ты его не видишь. Но он есть и все еще хочет доказать правдивость своей теории, а для этого он должен вернуться в книгу. Только вот вернуть его туда можешь только ты. Поэтому тебе нужно прочесть заклинание, написанное в этой книге.

КАЛЬТЕНБРУННЕР *(расстроено)*. Вот дурак.

ИРИНА. Ты смеешься надо мной?

БАЛАБОВ. Нет. С чего ты взяла?

ИРИНА. Да с того. Ты, правда, подумал, что я поверю в эти бредни? Меня, конечно, по-разному разыгрывали, но чтобы так бездарно... Такое у меня впервые.

БАЛАБОВ. Но я ведь говорю абсолютную правду. Просто ты не можешь видеть своего отца сейчас. Но я могу пересказать тебе все его слова. Поверь, он раскаивается.

ИРИНА *(резко)*. Хватит. С меня достаточно этих бредней. Это абсолютно антинаучно и не имеет какого-либо смысла. Я ухожу.

БАЛАБОВ. Постой! *(пытается удержать Ирину)*.

ИРИНА. Мне уже порядком надоели эти глупые шутки. Придумайте что-нибудь получше в следующий раз.

Ирина уходит.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. А я что говорил? Не нужно было так резко все на нее выплескивать. Теперь у нас нет шансов.

БАЛАБОВ. Но ведь она была неправа насчет Вас.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Ты ошибаешься. Она очень даже верно все сказала. Я эгоист и глупец.

БАЛАБОВ. Не говорите так. Вы великий человек. Просто остальные еще не знают об этом.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Спасибо, Костя. Ну что ж, если я уже не смогу вернуться в книгу, то больше не вижу смысла тебя задерживать. Иди по своим делам. Тебя ждет Долженко.

БАЛАБОВ. Неужели Вы так быстро сдадитесь? До вечера ведь еще куча времени. Мы успеем что-нибудь придумать.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Что? Ира теперь тебя и близко не подпустит.

БАЛАБОВ. Меня, может быть, и нет. Но я знаю, против кого она точно не пойдет.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. И кто же это?

БАЛАБОВ. Идемте.

Явление II

*Студенческая аудитория
Долженко сидит за столом. Слышится стук в дверь.*

ДОЛЖЕНКО. Входите.

Появляется Балабов, за ним Кальтенбруннер.

ДОЛЖЕНКО. Кого я вижу. Балабов. Я, конечно, понимаю, что выполнять поручение преподавателя уж очень не хочется, но ты ведь даже не приступил к нему! Это уже верх наглости!

БАЛАБОВ. Петр Михайлович, поверьте, я всю ночь провёл в библиотеке.

ДОЛЖЕНКО. Не ври мне. Если бы ты, правда, работал в поте лица, то в моем

компьютере уже было бы около двухсот страниц книги. А там что? Правильно, ничего.

БАЛАБОВ. Я работал, но не над вашей книгой.

ДОЛЖЕНКО. Чем же ты так увлекся, что так наплевательски отнесся к заданию, от которого, возможно, зависит судьба твоего обучения здесь?

Балабов достает из рюкзака книгу Кальтенбруннера.

БАЛАБОВ. Этим.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. И что же ты задумал?

ДОЛЖЕНКО. И что же это?

БАЛАБОВ. Книга вашего друга. Геннадия Петровича Кальтенбруннера.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Надо же. Впервые произнес фамилию правильно.

ДОЛЖЕНКО. Где же ты ее откопал?

БАЛАБОВ. Нашел, когда выполнял Ваше задание.

ДОЛЖЕНКО. И? Нашел что-то интересное для себя? Очень рад. Но это все еще не освобождает тебя от выполнения задания.

БАЛАБОВ. Знаю. Но у меня появилась к вам одна просьба.

ДОЛЖЕНКО. Каков наглец! Сначала хулиганит, потом не следует указаниям преподавателя, а теперь еще и смеет меня о чем-то просить!

Балабов кладет перед Долженко листок с текстом.

БАЛАБОВ. Мне нужно, чтобы вы попросили Ирину Кальтенбруннер прочитать это на сегодняшней лекции.

ДОЛЖЕНКО. С чего вдруг я должен это делать?

БАЛАБОВ. Потому что, если вы этого не сделаете, я расскажу всем о том, что Вы убили Вашего друга, Геннадия Петровича Кальтенбруннера.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Зря ты это сделал, Костя. У тебя ведь был шанс избежать отчисления.

ДОЛЖЕНКО. С чего ты вообще это взял!? Наглый мальчишка! Как ты смеешь говорить подобное!?

БАЛАБОВ. Потому что я сам все слышал. Лично от него. Точнее, от его призрака. Вы ведь знакомы с теорией квантового бессмертия?

ДОЛЖЕНКО. Лжец! Обманщик! Эта теория в корне неверна, и быть этого не может!

БАЛАБОВ. А если бы я был лжецом, мог бы я рассказать о том, что почти двадцать лет назад Вы с Геннадием Петровичем сушили нитрит азота у батареи в кабинете химии? Или о том, что у вас были жигули с побитой правой фарой?

ДОЛЖЕНКО. Откуда ты все это знаешь?

БАЛАБОВ. Да потому что я слышал это из уст Вашего лучшего друга. Друга, которого Вы убили!

ДОЛЖЕНКО *(обречённо)*. Боже мой.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Ох, Костя, Костя. Зачем же ты так? Его ведь сейчас инфаркт хватит.

БАЛАБОВ. А не надо его защищать, Геннадий Петрович!

ДОЛЖЕНКО. То есть, ты хочешь сказать, что он здесь?

БАЛАБОВ. Да. И все прекрасно слышит.

ДОЛЖЕНКО. Пусть я все еще не верю в твои бредни, расскажи, как так вышло, что ты узнал обо всем?

БАЛАБОВ. Это долгая история. Я скажу лишь то, что Ваш друг был прав. Разум человека бессмертен, и существует множество вселенных помимо нашей. Геннадий Петрович смог оставить часть себя в этой вселенной, но его призрак был заточен в книгу. Ему нужно вернуться в течение суток. Только вот вернуть его может лишь его дочь, если прочтет то, что я написал на этом листке. Если в Вас есть хоть капля порядочности, Вы поможете ему.

ДОЛЖЕНКО *(в замешательстве)*. Я... подумаю над этим.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Спасибо, Петр.

БАЛАБОВ. Он передает Вам спасибо. И, кстати, совершенно не злится на Вас.

ДОЛЖЕНКО. Гена. Он здесь?

БАЛАБОВ. Здесь.

ДОЛЖЕНКО. Тогда я должен извиниться. Я правда виноват в его...,то есть твоей смерти.

БАЛАБОВ. Но зачем Вы это сделали?

ДОЛЖЕНКО. Я не хотел. Так вышло. За месяц до смерти Гены я продал свою машину.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Что?

БАЛАБОВ. Подождите. Продали?

ДОЛЖЕНКО. Да. Я продал ее по дешевке старому знакомому, хотя знал, что тот не раз уже водил машину в нетрезвом виде. Но тогда мне и вправду нужны были деньги.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Так значит, не ты был за рулем?

БАЛАБОВ. Машину вели не Вы?

ДОЛЖЕНКО. Конечно, не я! Я бы никогда не выехал на дорогу в такой гололед.

БАЛАБОВ. А споры из-за книги? Почему Вы не поддержали друга?

ДОЛЖЕНКО. Да потому что я знал, что теория его провалится и не хотел, чтобы он позорился. Я ведь просил его подумать о своей репутации, о семье, а он и слушать не желал. Все о науке думал. Это может и хорошо, но о своей жизни сначала стоило думать, а потом уже о науке. Даже если его теория верна и он попадет во вселенную, где он жив, его настоящая дочь и жена останутся здесь. В мире, где он разрушил свою и их жизни.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Какой же я дурак!

Призрак стремительно покидает сцену.

БАЛАБОВ. Геннадий Петрович! Подождите!

Вслед за ним убегает Балабов.

ДОЛЖЕНКО (*укоризненно*). Эх, Гена, Гена...

Явление III

Университетский коридор

Кальтенбруннер и Балабов

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Какой же я дурак!

БАЛАБОВ. Подождите, Геннадий Петрович!

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Ну как же я мог так поступить? Почему раньше не подумал?

БАЛАБОВ. Не корите Вы себя. Все люди совершают ошибки.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Но не всем дано их исправить.

БАЛАБОВ. Но ведь можно попробовать?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Конечно! Именно поэтому я и должен вернуться в книгу. Оттуда я смогу попасть в одну из нужных вселенных. Если я совершил столько ошибок в этой вселенной, тогда, может быть, я смогу хоть немного исправиться в другой? Возможно, даже обрести тело. Тогда я смогу закончить исследование и доказать, что я прав. Тогда ни у кого не возникнет сомнений. Тогда Ире не придется за меня краснеть.

БАЛАБОВ. А, может, тогда Вы просто будете жить? Может быть, люди еще не готовы узнать и принять бессмертие?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Возможно, ты прав, Костя. Ничему меня жизнь не учит. Казалось бы, только все понял, усвоил мораль, а уже снова рвусь к неприятностям.

БАЛАБОВ. Ничего. Со всеми бывает.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. И не поспоришь.

БАЛАБОВ. Как Вы думаете, Ира все же прочтет нужное заклинание?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Не знаю. Но на всякий случай, я все же уйду.

БАЛАБОВ. Зачем? Давайте подождем нужного времени. Я хочу узнать, получилось ли у нас вернуть Вас в книгу.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Ты узнаешь. Просто не из первых уст. А я хочу побыть дома, пока могу. Думаю, у меня еще есть немного времени в запасе.

БАЛАБОВ. Что ж, понимаю. В таком случае, до свидания.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Хотелось бы верить. Прощай, Костя.

Кальтенбруннер уходит.

Явление IV

*Университетский коридор.
Появляется Ирина с листком бумаги в руке.*

ИРИНА. Балабов!

БАЛАБОВ. Да? Ох, здравствуй, Ира.

ИРИНА. Это что такое? Знаю, что твоих рук дело, даже не отнекивайся.

БАЛАБОВ. О чем ты?

ИРИНА. Об этом!

БАЛАБОВ. А я здесь причем?

ИРИНА. Ты мне утром такую же бумажку совал! Понятия не имею, как ты смог уговорить Долженко дать мне это, но я требую объяснений!

БАЛАБОВ. Так ты все же прочитала?

ИРИНА. Прочитала.

БАЛАБОВ. Вслух?

ИРИНА. Да еще как вслух! Вся группа от смеха просто упала на пол! Еще бы, вышла Кальтенбруннер и как давай у кафедры какую-то неразбериху

нести. Я-то думала, Долженко хотел, чтобы я прочитала что-то на тему лекции или что-то вроде, а он дал мне этот листок и сказал читать громко, с выражением. А если не прочитаю – поставит мне незачет, и буду я все выходные к нему на пересдачу ходить.

Балабов смеется.

ИРИНА. Чего смеешься? Мне вот совершенно не смешно! А еще он вдруг сегодня решил нам рассказать про теорию квантового бессмертия. Ума не приложу, что на него нашло. А как его кто-то спросил про книгу моего отца, так он побледнел, будто призрака увидел. Так ты расскажешь, что произошло?

БАЛАБОВ. Я бы рад, да только ты все равно не поверишь.

ИРИНА. Конечно, если ты вновь начнешь нести чепуху про призраков, магию и тому подобное.

БАЛАБОВ. Я ведь говорил, не поверишь.

*Где-то вдалеке слышится грохот.
На сцене появляются Яшников и Щадов.*

ЩАДОВ. Ну все, Сашка, допрыгался! На этот раз точно не отвертишься!

ЯШНИКОВ. Валентин Андреевич, это случайно вышло. Я не буду больше.

ЩАДОВ. Буду – не буду. Это уже не мои заботы. Сдам я тебя на руки Долженко. Ты ему как раз задание одно задолжал.

ЯШНИКОВ. Да я болел тогда. Я сделаю, честно.

ЩАДОВ. Ничего, на этот раз не заболеешь. Сделаешь, куда ты денешься.

Щадов и Яшников уходят.

БАЛАБОВ. А хотя, знаешь что? Зачем я тебе все буду рассказывать? У меня тут парочка книг есть. Давай ты их прочитаешь, а потом мы и поговорим. Идет?

Балабов отдает две книги Ирине.

ИРИНА. Подожди. А ты куда?

БАЛАБОВ. А я спать. Устал как собака. Вдруг завтра снова кого-то спасать нужно будет, а я уставший? Надо отдохнуть....

Балабов уходит.

Занавес